

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ИЦКА И ДАВЫДКА

Николай Гарин-Михайловский

Ицка и Давыдка

«Public Domain»

1908

Гарин-Михайловский Н. Г.

Ицка и Давыдка / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain»,
1908

«В одном из тех кварталов Одессы, в которых дома сверху до низу набиты евреями, жили два друга – Давыдка и Ицка. Дом, в котором жили друзья, выходил на улицу длинным глухим забором. Самое жильё – грязное и серое, с навесом, было расположено внутри двора, в заднем углу его. Двор утопал в грязи, и только ряд кое-как положенных где досок, где камней, спасал обитателей от риска по пояс завязнуть в непролазной, покрытой каким-то зеленоватым слоем, грязи...»

© Гарин-Михайловский Н. Г., 1908

© Public Domain, 1908

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Николай Гарин-Михайловский

Ицка и Давыдка

I

В одном из тех кварталов Одессы, в которых дома сверху до низу набиты евреями, жили два друга – Давыдка и Ицка.

Дом, в котором жили друзья, выходил на улицу длинным глухим забором. Самое жильё – грязное и серое, с навесом, было расположено внутри двора, в заднем углу его. Двор утопал в грязи, и только ряд кое-как положенных где досок, где камней, спасал обитателей от риска по пояс завязнуть в непролазной, покрытой каким-то зеленоватым слоем, грязи.

Но ни эта грязь, ни это зловоние не отравляли существование друзей. Как истые философы, они даже не замечали её, как не замечали такой же грязи ни в своих квартирах, ни на своих ногах, как не замечали того пуху, который в изобилии покрывал их грязную одежду, бороду, волосы, шапки...

Ицка был мужской портной, Давыдка – дамский.

Их квартиры были одна против другой. В каждой, состоявшей из двух комнат, всякого населения, начиная с коростой покрытых детей и кончая подслеповатыми, с загнившими глазами, старухами, было битком набито.

В передней комнате каждого из друзей была мастерская, т. е. стол, стул, на котором сидели Ицка сам, а за Давыдку наёмный подмастерье. Сам Давыдка хотя и держал в руках всё нужное для работы, а именно материал, нитку и иголку, хотя и сдвигал самым энергичным образом свою шапку на затылок, но в сущности ничего не делал, и его звонкий голос ни на мгновение не уступал всему остальному хору голосов обитателей его квартиры.

Со стороны можно было бы подумать, по соединённому гвалту, что идёт ссора насмерть, но благодушные, удовлетворённые лица обитателей свидетельствовали, что это только свойственная этой расе манера говорить.

В квартире Ицки, напротив, царил какая-то гнетущая тишина. Ицка был нем, как рыба, и с утра до вечера, не разгибая спины, корпел над работой: только и видно было, как мелькала усердная иголка, то пришивая новую яркую латку на затасканное сукно, то восстанавливая согласие между двумя половинками рассорившихся штанов.

В сущности и Ицка и Давыдка ничего не имели, кроме изобильного количества грязных, гнилых подушек и пуховиков, из которых, при малейшем прикосновении, пух разлетался во все стороны. Тем не менее, Давыдка считал себя в сравнении с Ицкой богачом. И Ицка признавал это, благоговел перед могуществом Давыдки и был твёрдо убеждён, что без Давыдки он бы совсем пропал, хотя из страха возможного злоупотребления и скрывал тщательно это своё убеждение от друга под непроницаемым покровом своего молчания. Но Давыдка и без Ицки понимал значение своей дружбы с Ицкой и нередко запускал бесцеремонную руку то в Ицкину табакерку, то в Ицкин карман за 2 к. на свечку, без которой вечером работа совсем стала бы. Ицка кряхтел, но терпел, как терпел он всё, что только кому-нибудь угодно было, чтоб он терпел.

Однажды, когда Давыдка, по обыкновению, всё собирался приняться наконец за работу, а Ицка без устали работал, пришёл от пристава вестовой – он же кучер и дворник, угрюмый, неповоротливый хохол Андрий.

Андрий сперва заглянул к Давыдке, осторожно кашлянул и тогда уже вошёл в комнату.

Кивнув дважды головой, Андрий проговорил: – «здоровеньки булы», – пожал руку Давыдки и сел на скамью.

– Здравствуй, Андрий, – сказал не без достоинства Давыдка и хотя его очень подмывало поскорее узнать зачем пришёл Андрий к нему, но зная, что от Андрия всё равно раньше, чем его час придёт, ни одного слова не выудишь, решил пополнить этот мёртвый промежуток чем-нибудь таким, что помогло бы, как колёсам дёготь, легче шевелиться языку Андрия.

– Горилки хочешь?

Андрий подумал, заглянул в дальний угол, вскинул глазами на Давыдку, и решив, что нет ему основания не выпить, ответил нерешительно:

– Та хиба ж що выпить?

Давыдка достал тёмный от грязи графин, такую же рюмку и, поместившись перед Андрием так, чтобы аромат горилки попадал ему прямо в нос, стал осторожно цедить, придерживая пальцем какой-то выбивавшийся из графина мусор.

Андрию никакого дела не было ни до грязной рюмки, ни до пальца Давыдки, зато аромат горилки Андрий с удовольствием вдыхал в себя, смакуя заблаговременно предстоящее удовольствие.

То, что Давыдка наливал тихо, не спеша, с толком, чувством и расстановкой, не только не раздражало Андрия, но напротив убеждало его, что Давыдка хороший и толковый жид, который знает обхождение с людьми, с которым можно приятно и не спеша помолчать, подумать, а то даже и обмолвиться каким-нибудь словом.

Все эти мысли черепашым шагом ползли в голове Андрия, пока Давыдка цедил, а Андрий водил глазами вокруг, причём начальной точкой окружности были глаза Андрия, а противоположной – губы Давыдки, которые он так аппетитно подбирал в себя, что у Андрия от предстоящего удовольствия уже начинало печь в серёдке.

Когда Давыдка наконец налил, он и тут ещё не сразу подал, а проговорив: «почикай трошке, я оботру рюмку», начал вытирать подозрительное место краем фалды своего не менее подозрительного сюртука.

Это внимание очень польстило и тронуло Андрия, и он уже заёрзал и прокашлялся, чтоб попросить Давыдку не утруждать себя излишними беспокойствами, и даже начало фразы уже стало сползать с его языка:

– Та вже...

Но Андрий вовремя сообразил, что во-первых Давыдку он всё равно не остановит от желания оказать ему любезность, а во-вторых всем и без того было совершенно ясно, что в таких случаях должно говориться.

Одной рюмки оказалось не достаточно, впрочем, чтоб раскатать Андрия, и Давыдка терпеливо повторил приём.

После этого Андрий сообщил, что Давыдку и Ицку требует пристав и, посидев «ещё трохи», поднялся наконец нехотя с насиженного уже места, на котором он заседал таким «чиловиком», каким сам себя считал.

Выйдя от Давыдки, Андрий прежде всего вспомнил, что «заборився», что пристав «як скаженный» напустится на него за это.

«Не покладая рук роблю, – размышлял разогретый водкой Андрий, идя по улице – хоть ты що... Як тый скаженный лае, лае... неначе ни чиловик, а собака... Тьфу! Бодай тебе гадюка съила!»

И Андрий, плюнув, так энергично зачесал свой затылок, что шапка его совсем съехала ему на глаза.

– Дядьку Андрию! – весело взвизгнула у кабака с подобранным подолом краснощёкая Оксана.

И Оксана, хлопнув ладонями, взявшись в боки, заступая нога за ногу, припевая с повернутой к Андрию головой:

Напилася горилочки,
Наилася маку, –

ловко прошлась пред Андрием.

– О-тож бисова баба, – проговорил Андрий, в приятном недоумении продолжая почёсывать затылок и соображая, что из всего этого может выйти.

Оксана не долго держала его в неизвестности.

– Ходыж мо! – энергично заворотила она и, толкнув Андрия в двери кабака, сама скрылась за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.